

Соціалізмъ—его исторія и критическая оцѣнка съ христіанской точки зрѣнія.

(Продолженіе ¹⁾).

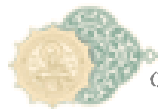
Исторія соціализма.

IV.

Послѣ того, какъ въ 1871 году на улицахъ Парижа разыгрались кровавыя сцены, напоминавшія ужасы первой французской революціи, вожди соціаль-демократической партіи высоко подняли свои головы, и теперь вѣтъ почти ни одной страны въ Европѣ, гдѣ бы соціализмъ такъ или иначе не заявилъ о себѣ. Не избѣгло его и наше отечество.

Уже въ первой половинѣ 30-хъ годовъ прошедшаго столѣтія соціалистическія идеи привлекали русскую такъ называемую передовую молодежь: ими увлекался извѣстный публицистъ—эмигрантъ *А. И. Герценъ* съ своими молодыми друзьями—Огаревымъ, Кетчеромъ и др. Кружокъ Герцена особенно усердно занимался усвоеніемъ идей сентъ-симонизма. По словамъ Анненкова, „система Сентъ-Симона отвѣчала всѣмъ истинкамъ и наклонностямъ этого кружка. Во-первыхъ, это была соціальная пропаганда, отвѣчающая на мечтанія о внезапномъ облагодѣтельствѣ роду человѣческаго, который всегда такъ дороги молодымъ людямъ. Во-вторыхъ, она удовлетворяла безобиднымъ образомъ ихъ

¹⁾ См. Труды Киевской дух. Академіи, ноябрь, 1904 г.

наклонности къ протесту и оппозиціи ¹⁾. Въ 1834 году всѣ члены кружка Герцена и онъ самъ за увлеченіе сепъ-симо-низмомъ были арестованы и высланы административнымъ порядкомъ изъ Москвы. Гораздо меньше интересовался Герценъ фурьеризмомъ. Въ своемъ дневникѣ 1843 г. онъ писалъ: „У Фурье убійственная прозаичность, жалкія мелочи и подробности, поставленныя на колоссальномъ основаніи; счастье, что ученики его задвинули его сочиненія своими“. Но это не мѣшало автору дневника говорить о фурьеризмѣ, что онъ „всѣхъ глубже раскрыть вопросъ о социализмѣ“, и подъ влияніемъ этого ученія Герценъ такъ формулируетъ свои планы преобразованія общества: „Общественное правленіе собственностями и капиталами. артельное (въ другомъ мѣстѣ: „коммунальное“) житъе, организація работъ и возмездій и право собственности, поставленное на иныхъ началахъ“. Въ слѣдующемъ году Герценъ прочелъ „Destinée sociale“ Консидерана, самаго талантливаго ученика Фурье, и нашелъ, что это сочиненіе „несравненно энергичнѣе, полнѣе, шире по концепціи и исполненію всего вышедшаго изъ школы Фурье: разборъ современности превосходенъ, становится страшно и стыдно. Раны общественныя указаны и источники ихъ обличены съ безпощадностію“. Тѣмъ не менѣе фурьеризмъ не вполне удовлетворялъ Герцена. По его словамъ, это „неполное рѣшеніе задачи; въ широкомъ, свѣтломъ фаланстерѣ фурьеристовъ тѣсновато: это устройство одной стороны жизни,—другимъ неловко“. И позднѣе, въ „Быломъ и Думахъ“—важнѣйшемъ изъ произведеній Герцена—онъ критически отнесся къ идеямъ Фурье.

По натурѣ своей Герценъ не былъ склоненъ къ роли революціоннаго агитатора. Влеченіе къ свободѣ мысли осо-

¹⁾ „П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ“, стр. 5 и 6.

бенно сильно было развито въ немъ. Какъ послѣдователь Сентъ-Симона и отчасти Фурье, онъ училъ о предстоящей замѣнѣ господства буржуазіи торжествомъ рабочаго класса. Герценъ вполне отрицалъ буржуазію, ея мораль и общественные принципы и горячо вѣрилъ въ грядущее значеніе четвертаго сословія. Эти мысли изложены въ его „Письмахъ изъ Франціи и Италіи“ (1855 г.).

Хотя Герценъ и не былъ въ собственномъ смыслѣ социалистическимъ пропагандистомъ, однако вліяніе его въ свое время было громадно. Въ Лондонѣ, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ эмигранта около 10 лѣтъ, основалъ русскую типографію для печатанія запрещенныхъ въ Россіи книгъ и въ 1857 году началъ издавать ежедневную „вольную“ русскую газету „Колоколъ“, имѣвшую, какъ извѣстно, не малое значеніе въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса. Когда появилась первая вѣсть о предстоящемъ уничтоженіи крѣпостного права (рескриптъ отъ 20 ноября 1857 г. на имя виленскаго генералъ-губернатора) Герценъ написалъ восторженный привѣтъ импер. Александру II, начинавшійся словами: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“. Въ концѣ 50-хъ годовъ значеніе „Колокола“ достигло своего апогея; членамъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу официально раздавали книжки „Колокола“ со статьями по крестьянскому вопросу. Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Россіи Герценъ всегда имѣлъ самыя точныя; доставляли ему ихъ люди самого разнообразнаго душевнаго склада: въ числѣ его корреспондентовъ былъ, напр., такой принципиальный противникъ всего революціоннаго, какъ Иванъ Аксаковъ. „Колоколъ“ былъ своего рода высшей инстанціей; представители администраціи боялись стать предметомъ его обличенія. Въ общемъ, тогдашній „Колоколъ“ гораздо больше напоминаетъ позднѣйшія безцензурныя газеты, чѣмъ эмиграціонный органъ. Источникъ умѣренности его лежитъ въ искреннемъ убѣжденіи, что все

будетъ исправлено благодаря гласности и добрымъ намѣреніямъ руководящихъ сферъ ¹⁾).

Но родоначальникомъ нашего русскаго соціализма собственно считается *М. А. Бакунинъ*, хотя онъ работалъ на этомъ поприщѣ послѣ Герцена. Родился онъ въ 1814 году въ Торжкѣ, Тверской губерніи. Въ концѣ 30-хъ годовъ Бакунинъ, отличавшійся большою начитанностію и діалектикою, являлся главнымъ дѣятелемъ кружка Станкевича, который усердно занимался изученіемъ философіи Гегеля. Именно подъ руководствомъ Бакунина В. Г. Бѣлинскій хорошо усвоилъ извѣстное положеніе Гегельянской философіи— „все дѣйствительное разумно“—и сдѣлался страстнымъ защитникомъ этого положенія особенно въ примѣненіи къ русской дѣйствительности. Въ 1841 году Бакунинъ оставилъ отечество и попалъ въ кружки заграничныхъ соціалистовъ-революціонеровъ. Выданный Россіи въ 1849 году, онъ сосланъ былъ въ Восточную Сибирь, но оттуда бѣжалъ въ 1861 году черезъ Японію въ Швейцарію, гдѣ принялся опять за революціонно-соціалистическую агитацію. Въ 1868 году Бакунинъ основалъ „Международный союзъ соціальной демократіи“. Ему много обязана своимъ развитіемъ теорія соціалистическаго анархизма, впервые разработанная Прудонмъ ²⁾. Бакунинъ отвергалъ всякій авторитетъ, отрицалъ государство во всѣхъ его проявленіяхъ и основаніяхъ, даже всеобщее голосованіе; по его мнѣнію, при нынѣшнемъ народномъ невѣжествѣ изъ него извлекаютъ выгоды только лучше организованные зажиточные классы; только насильственную революцію признавалъ онъ подходящимъ средствомъ для водворенія на землѣ идеальнаго строя, въ которомъ не было

¹⁾ Сочиненія Герцена изданы въ 10 томахъ въ Женевѣ, въ 1875—1880 годахъ.

²⁾ Зомбаргъ. „Соціализмъ и социалистич. движеніе въ XIX столѣтіи“, стр 115.

бы ни владѣтельнаго права и частной собственности, ни бѣдности, ни властелиновъ, ни рабовъ,—всѣ должны работать по мѣрѣ силъ и получать по потребностямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ одинаковаго воспитанія для дѣтей и даже одинаковой одежды для обоихъ половъ. Религія, по его взгляду, есть „заблужденіе мысли“ и должна быть уничтожена совершенно; въ его программѣ: „*Aliance de la democratie socialiste*“ самый первый параграфъ гласитъ: „Общество наше признаетъ себя безусловно атеистическимъ; оно хочетъ отмѣны всякаго богослуженія, замѣны вѣры знаніемъ, божеской справедливости человѣческой“.

Впрочемъ, какъ теоретикъ, Бакунинъ никогда не пользовался извѣстностью между социалистами. Его по справедливости называли „корифеемъ нигилизма“, который, въ сущности, есть тотъ же социализмъ, но доведенный въ своемъ развитіи до послѣднихъ крайностей; въ этомъ видѣ социализмъ извѣстенъ былъ за границей подъ именемъ „русскаго нигилизма“ и вызывалъ часто насмѣшки у самыхъ рьяныхъ представителей западно-европейскаго социализма ¹⁾.

Особенно увлекались у насъ въ Россіи социалистическими идеями въ 40-хъ годахъ прошедшаго столѣтія. Пріѣхавъ осенью 1843 года изъ за границы въ Петербургъ, П. В. Анненковъ замѣтилъ въ тогдашней русской интеллигенціи живой интересъ къ французской социалистической литературѣ: „книга Прудона „*De la propriété*“, тогда уже почти что старая; „Икарія“ Кабе, мало читаемая въ самой Франціи, за исключеніемъ небольшого круга мечтательныхъ бѣдняковъ-работниковъ; гораздо болѣе ея распространенная и популярная система Фихте—все это, по словамъ Анненкова, служило предметомъ изученія горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній

¹⁾ О Бакунинѣ см. Георга Адлера „*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*“, т. I, изд. 2, Јена, 1898 г.

всякаго рода“. „Я уже не говорю“, замѣчаетъ Анненковъ, „о новой религіи человѣчества, изложенной фантастическимъ теозофомъ Пьеромъ Леру, въ его книгѣ „De l'humanité“, она не имѣла особеннаго успѣха“. „Книги названпыхъ авторовъ, по свидѣтельству Анненкова, были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху, подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ, а нѣсколько позднѣе, чего не было съ прежними теоріями, и своихъ мучениковъ. Теорія Прудона, Фурье, къ которымъ позднѣе присоединился Луи-Бланъ съ извѣстнымъ трактатомъ „Organisation du travail“, образовали у насъ особенную школу, гдѣ всѣ эти ученія жили въ смѣшанномъ видѣ и исповѣдывались какъ-то за-разъ адептами ея¹⁾.

Въ числѣ адептовъ этой своеобразной школы былъ и Бѣлинскій. „Какъ только первые лучи соціальной метафизики дошли до него, пишетъ Анненковъ, онъ пристроился общему направленію“. Особенно его занимали писатели французскаго социализма. „Чтеніе „Исторіи революціи 1789 г. Тьера“, по словамъ Анненкова, ввело Бѣлинскаго въ новый міръ, доселѣ мало знакомый ему и понуждало идти далѣе въ изученіи его“. Впослѣдствіи принялся онъ за сочиненіе Кабе—„Le Peuple“. „Эти и другія сочиненія, продолжаетъ Анненковъ, служили Бѣлинскому просто средствами отыскать первыя сѣмена социализма, заброшенные переворотомъ 1789 года на европейскую почву: ему нужно было видѣть его зачатки съ конвентомъ, парижской коммуной, героями стараго коммунизма, Бабефомъ и Буонаротти, чтобы распознать современную его фizioномію и понять основательно нѣкоторые его ходы въ нашу эпоху“. Изъ историческихъ произведеній социалистиче-

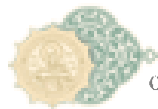
¹⁾ „Замѣчательное десятилѣтіе.—1838—1848.—Изъ литературныхъ воспоминаній П. В. Анненкова“. „Вѣстникъ Европы“ 1880 г. февр., стр. 506—7.

ской литературы „необычайное впечатлѣніе произвела на него только книга Луи-Блана „Histoire de dix ans“¹⁾.

Ознакомившись съ социалистическими идеями, Бѣлинскій въ концѣ 40-хъ годовъ оставилъ свою прежнюю Гегелевскую точку зрѣнія на современную дѣйствительность, заимствованную имъ у Бакунина, и съ обычною горячностью увлекся именно общественными и политическими вопросами. Стараясь теперь найти въ литературѣ надежное орудіе для нравственнаго воздѣйствія на русскую дѣйствительность въ социальномъ смыслѣ, онъ обратился къ скорби объ этой дѣйствительности, къ борьбѣ съ ея зломъ. „Мы живемъ въ страшное время, писалъ Бѣлинскій, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ легче было жить (обычная социалистическая сентенція)... Нѣтъ ружья,—бери лопату, да счищай съ русской публики грязь“. Въ цѣломъ рядѣ своихъ статей (въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1840—46 гг.) онъ является критикомъ-публицистомъ, беспощадно разоблачающимъ всякую фальшь въ социальной жизни.

Въ 40-хъ годахъ самымъ популярнымъ социалистическимъ ученіемъ былъ у насъ фурьеризмъ. Въ 1845 году нѣкій офицеръ *М. В. Петрашевскій* (вѣрнѣе Буташевичъ-Петрашевскій) горячій приверженецъ идей Фурье, искренно вѣрившій въ ихъ осуществленіе, началъ издавать, подъ псевдонимомъ Кириллова „Словарь употребительныхъ въ русской рѣчи иностранныхъ словъ“, въ которомъ предполагалось пропагандировать социалистическія ученія. Основная мысль „Словаря“—показать, что обновленіе обветшалыхъ формъ жизни есть необходимое условіе всякаго истинно-человѣческаго существованія. Издатель словаря мечтаетъ о гармоніи общественныхъ отношеній, о всеобщемъ братствѣ и

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1880 г., февр., стр. 507—9.

солидарности и враждебно относится къ современному капитализму. Въ общемъ, словарь есть живое отраженіе фурьеристическихъ и вообще соціалистическихъ идей, шедшихъ къ намъ изъ тогдашней Франціи. Второй выпускъ этого словаря, отпечатанный въ слѣдующемъ 1846 году и представляющій въ данномъ случаѣ гораздо большій интересъ, чѣмъ первый, былъ задержанъ; словарь отбирали у книгопродавцевъ и уничтожали, но удалось истребить не всѣ его экземпляры. Въ принадлежащей перу самого издателя этого словаря статьѣ „Нормальное состояніе“, между прочимъ, проводится взглядъ Фурье о привлекательности труда.

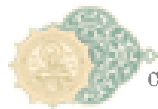
Съ 1845 года Петрашевскій началъ собирать у себя по пятницамъ большое общество для обсужденія вопросовъ, касающихся преобразованія общественнаго и политическаго строя нашей жизни. На пятницахъ Петрашевскаго бывали многіе литераторы и ученые: Достоевскій, Плещеевъ, Пальмъ. Дуровъ, Толь, химикъ Львовъ, гигиенистъ Ахшарумовъ и др. Для распространенія соціалистическихъ идей была учреждена на средства кружка бібліотека изъ сочиненій Сентъ-Симона и его учениковъ, Фурье, Кабе, Ламеннэ и др. Въ своихъ воспоминаніяхъ Д. Д. Ахшарумовъ, одинъ изъ петрашевцевъ, рассказываетъ: „иногда кѣмъ-либо изъ спеціалистовъ дѣлалось на собраніяхъ сообщеніе въ родѣ лекцій: Ястржемскій читалъ о политической экономіи, Данилевскій — о системѣ Фурье. Въ одномъ изъ собраній читалось Достоевскимъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по случаю выхода его „Писемъ къ друзьямъ“ ¹⁾. Отзываясь о Данилевскомъ, какъ о „главномъ ревностномъ послѣдователѣ и талантливомъ проповѣдникѣ ученія Фурье“, Ахшарумовъ замѣчаетъ, что читанныя имъ лекціи о фурьеризмѣ „сохранялись въ памяти у

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1901 г., кн. II, стр. 164.—О характерѣ письма Бѣлинскаго къ Гоголю см. нашу брошюру: „Религіозно-нравственное міросозерцаніе Гоголя“. Киевъ. 1902 г., стр. 29.

всѣхъ присутствовавшихъ и были очень увлекательны¹⁾. О своемъ собственномъ увлеченіи идеями Фурье Ахпарумовъ говоритъ: „событія 1848 года, происходившія въ Италіи, Франціи и Германіи, сильно интересовали меня. Соціальное ученіе Fourier, сочиненіе— „Le nouveau monde industriel“,— также различныя брошюры послѣдователей его, Considerant, Toussenel и другихъ, и популярнѣйшіе журналы того времени „Almanach phalansterien“ и болѣе ученый „Phalange“ увлекали меня нерѣдко до того, что я забывалъ все прочее. Большія сочиненія Fourier— „Theorie des quatre mouvements“ и „Theorie de l'unité universelle“—были по временамъ просматриваемы мною, но, по дороговизнѣ, я не могъ ихъ приобрести“.

Кружокъ Петрашевскаго посредствомъ отдѣльныхъ членовъ своихъ стоялъ въ тѣсной связи со многими другими, гдѣ читались и комментировались съ тѣмъ же страстнымъ увлеченіемъ теоріи Кабе, Фурье, Прудона и другихъ представителей французскаго социализма. Таковъ былъ, напр., кружокъ извѣстнаго педагога и переводчика—*Иринарха Введенскаго*, къ которому принадлежалъ и молодой еще въ то время литераторъ Н. В. Чернышевскій. Другой изъ такихъ кружковъ, съ особеннымъ усердіемъ занимавшійся изученіемъ системы Фурье, собирался у *Калкина*; въ составъ этого кружка входили братья Дебу, Спѣшневъ, Европеусъ, Ханыковъ и др. Въ этихъ кружкахъ высказывалось предположеніе составить и напечатать за границей общедоступное изложеніе ученія Фурье,—предполагалось для пропаганды этого ученія устраивать новые кружки, и они появились уже и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, напр., въ Ревелѣ и Ростовѣ. Тимковскій высказалъ мысль о подачѣ правительству просьбы объ ассигнованіи средствъ на учрежденіе

¹⁾ „Вѣст. Европы“ 1901 г., кн. II, стр. 167.

общества для изученія и распространенія фурьеристическихъ идей, и въ случаѣ отказа предлагалъ составить компанію на акціяхъ. Петрашевскій полагалъ, что было бы весьма полезно мѣрою со стороны правительства, если бы оно дало средства на устройство перваго фаланстера. Есть извѣстіе, что онъ же пытался завести фаланстеръ между крестьянами. Въ кружкѣ *Дурова* возникла даже мысль обзавестись тайною литографіей для скорѣйшаго распространенія фурьеризма, хотя самъ же Петрашевскій рѣшительно протестовалъ противъ такого намѣренія, почему оно и было оставлено.

7 апрѣля 1849 года, въ день рожденія Фурье, одиннадцать человѣкъ собрались у Петрашевскаго на обѣдъ въ память этого соціальнаго реформатора; были произнесены на обѣдѣ горячія рѣчи въ духѣ ученія Фурье и рѣшено было перевести на русскій языкъ главнѣйшія его сочиненія. Тогда же всѣ эти участники „общества пропаганды“ (такъ назывался кружокъ петрашевцевъ) были арестованы и преданы военному суду. Сваряженное надъ ними судопроизводство нашло, что „пагубныя ученія, породившія смуты и мятежи во всей Западной Европѣ и угрожавшія ниспроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ, отозвались, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени и въ нашемъ обществѣ. Горсть людей, совершенно ничтожныхъ, большею частію молодыхъ и безиравственныхъ, мечтала о возможности попрасть священныя права религіи, закона о собственности“¹⁾. Всѣ подсудимые были приговорены къ смертной казни, но потомъ суровое наказаніе было отмѣнено. Петрашевскому назначена каторга безъ срока (ум. въ Сибири въ 1867 году), Достоевскому — ссылка на 4 года, съ отдачей потомъ въ рядовые, Дурову — то же самое и т. д.

¹⁾ „Записки Липранди. Мнѣніе по такъ-называемому „Дѣлу Петрашевскаго“. „Русская Старина“ 1872 г., іюль.

Указанный разгромъ кружка петрашевцевъ, считавшагося во время самого судебного процесса и еще десятки лѣтъ спустя революціонно-политическимъ обществомъ заговорщиковъ, задержалъ распространеніе у насъ фурьеризма.

Но такое представленіе о дѣлѣ петрашевцевъ значительно измѣнилось послѣ опубликованія документовъ, относящихся къ этому дѣлу. Въ дѣйствительности оказалось, что весь „заговоръ“ петрашевцевъ сводился, въ сущности, къ *иреніямъ* по тремъ главнымъ вопросамъ: необходимости освобожденія крестьянъ, реформы судопроизводства и стѣсненія цензуры, т. е. къ такимъ идеямъ, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ стали существенною частью правительственной программы, провозглашенной съ высоты престола. Единственно вѣрнымъ „обвиненіемъ“ кружка петрашевцевъ было сильное увлеченіе фурьеризмомъ. Послѣ ареста, на допросѣ самъ Петрашевскій, напр., показалъ, что онъ „желалъ полной и совершенной реформы быта общественнаго“ и фаланстеръ Фурье считалъ ключемъ, пробнымъ камнемъ такой реформы. Онъ увѣрялъ, что „будетъ время, когда все въ обществѣ и природѣ придетъ въ стройную гармонію, труда тяжкаго и удручительнаго не будетъ“ и что „всякій актъ жизни человѣческой будетъ актомъ наслажденія“. Фаланстеръ Фурье, т. е. извѣстная организація работъ въ обществѣ, вполне разрѣшаетъ вопросъ о томъ, „какъ поставить человека въ правильное отношеніе къ самому себѣ, къ обществу, къ цѣлому человечеству и къ природѣ“. О подобномъ же увлеченіи фурьеристическими идеями свидѣлствуютъ судебныя показанія и всѣхъ петрашевцевъ. Но въ этомъ увлеченіи не было ничего политически опаснаго, грозившаго общественному спокойствію, и притомъ оно было общимъ весьма многимъ образованнымъ людямъ того времени ¹⁾). Разговоры по

¹⁾ См. воспоминанія Панаева, Ливенкова, Достоевскаго, письма Бѣлинскаго и др.

поводу соціальныхъ системъ составляли преобладающую тему задушевныхъ бесѣдъ, имѣвшихъ по преимуществу платоническій характеръ; изъ этихъ системъ молодые собесѣдники черпали только общегуманную подкладку, стремленіе положить общее благо и справедливость въ основу общественной жизни. Вотъ почему разгромъ кружка петрашевцевъ хотя и задержалъ распространеніе фурьеризма, но не могъ уничтожить сочувствія къ нему въ извѣстной части нашей интеллигенціи ¹⁾.

Публицистъ *В. А. Милютинъ*, сочувствовавшій соціализму и, въ частности, фурьеризму, въ своихъ статьяхъ „Пролетаріи и пауперизмъ въ Англіи и во Франціи“, напечатанныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ еще за 1847 годъ и другихъ, появившихся въ томъ же году въ „Современникъ“, старался характеризовать разныя соціалистическія ученія съ научнымъ спокойствіемъ и сильною критикою, но вмѣстѣ съ тѣмъ горячо защищалъ важность и необходимость утопій; его статьи читались съ большимъ интересомъ. Милютину посвятилъ одну изъ своихъ первыхъ повѣстей *М. Е. Салтыковъ* (впослѣдствіи получившій громкую извѣстность подъ псевдонимомъ *Н. Щедринъ*), увлекавшійся въ концѣ 40-хъ годовъ французскими соціалистами и въ особенности Фурье, и до своей ссылки въ Вятку посѣщавшій собранія Петрашевскаго. Въ его повѣстяхъ—„Противорѣчіе“, явившейся въ „Отечеств. Запискахъ“ за 1847 годъ, и „Запутанное дѣло“—за 1848 г., замѣтна та же соціалистическая или, какъ выражается *Тургеневъ*, „теплая демократическая струйка“, которая проглядывала и въ литературной дѣятельности современныхъ ему писателей: въ *Достоевскомъ*—въ привлеченіи сочувствія къ ничтожной по сво-

¹⁾ Въ беллетристической формѣ дѣло Петрашевскаго представлено въ романѣ *Пальма „Алексѣй Слободинъ“* и въ „Итогахъ жизни“ *П. М. Ковалевскаго* („Вѣстникъ Европы“ 1883 г., № 1—3).

ему соціальному положенію личности Дѣдушкина,—въ Тургеневѣ—въ отысканіи высокихъ душевныхъ свойствъ въ крѣпостномъ крестьянствѣ,—въ Некрасовѣ—въ призывахъ къ добру и правдѣ и т. д. Блестящую картину своего увлеченія соціалистическими воззрѣніями Салтыковъ нарисовалъ, тридцать лѣтъ спустя, въ четвертой главѣ сборника—„За рубежомъ“, явившагося въ 1881 году. Въ теченіе всей своей писательской дѣятельности онъ придавалъ громадное значеніе соціальнымъ утопіямъ и, какъ можно видѣть изъ его „Мелочей жизни“ (1886 г.), даже въ послѣдніе свои годы сохранилъ сочувствіе основнымъ принципамъ фурьеризма.

При всемъ томъ конецъ 40-хъ и начало 50-хъ годовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ литературно-политическаго „безвременья“, были весьма неблагоприятны для распространенія путемъ печати соціалистическихъ идей. Французская революція 1848 г. отразилась у насъ учрежденіемъ (2 апрѣля 1848 г.) извѣстнаго *Бутурлинскаго* комитета, облеченнаго особыми полномочіями для обузданія печати. Время дѣйствій этого комитета было „эпохою цензурнаго террора“. Небывало строгія мѣры были направлены противъ *личности* писателей. Въ числѣ первыхъ пострадали члены кружка петрашевцевъ и Салтыковъ за свою повѣсть—„Запутанное дѣло“. Соціалистическія воззрѣнія стали вновь высказываться въ печати лишь въ эпоху великихъ реформъ, когда повѣяло свободой литературнаго слова. 1855-ый годъ—годъ вступленія на престолъ императора Александра II—есть рубежъ между старою и новою Россіей. Во второй половинѣ 50-хъ годовъ литература ярко отражаетъ новое теченіе русской государственной жизни; ею овладѣваетъ страстное стремленіе впередъ по пути реформъ соціально-политическаго строя. Во главѣ этого именно порывисто-прогрессивнаго стремленія стоялъ *Н. Г. Чернышевскій*.

Какъ политико-экономистъ Чернышевскій укрѣпилъ и обострилъ то отрицательное отношеніе къ буржуазному строю,

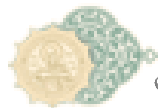
которое началось въ 40-хъ годахъ, но затѣмъ замерло подъ вліяніемъ реакціи послѣднихъ годовъ дореформенной эпохи. Ему были чужды медлительность и неувѣренность такъ называемыхъ „постепеновцевъ“ въ реформаторскомъ настроеніи. Онъ не могъ удовлетвориться тѣмъ, какъ ему казалось, минимумомъ гражданскихъ правъ, который обѣщали готовившіяся реформы. Отсюда его насмѣшливое отношеніе къ російскому „прогрессу“, вызвавшее недоумѣніе даже у Герцена. Радикально-оптимистическое убѣжденіе, что все на свѣтѣ „очень легко“ устроится при добромъ желаніи, составляетъ основную мысль его романа—„Что дѣлать“, имѣвшаго, какъ извѣстно, большое вліяніе на тогдашнюю молодежь въ соціально-политическомъ отношеніи.

Н. Г. Чернышевскій—сынъ саратовскаго священника,—по окончаніи курса въ мѣстной семинаріи въ 1846 году, поступилъ въ с.-петербургскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ. Первые годы его студенчества были эпохою страстнаго увлеченія соціально-политическими вопросами. Его захватилъ конецъ того періода исторіи передовой мысли, когда, шедшіи къ намъ изъ Франціи 40-хъ годовъ соціальныя утопіи въ извѣстной степени отразились и въ нашемъ обществѣ. Сдѣлавшись въ концѣ концовъ убѣжденнымъ фурьеристомъ, онъ всю жизнь оставался вѣренъ этой наиболѣе мечтательной изъ соціалистическихъ доктринъ, съ тѣмъ, впрочемъ, существеннымъ различіемъ, что фурьеризмъ былъ довольно равнодушенъ къ вопросамъ политическимъ, между тѣмъ какъ Чернышевскій придавалъ имъ большое значеніе. Отличается также Чернышевскій отъ фурьеристовъ и въ вопросахъ религіозныхъ, въ которыхъ первый былъ очень свободнымъ мыслителемъ, чего нельзя сказать о послѣднихъ.

Когда впервые раздалась съ высоты престола радостная вѣсть о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ (рескриптъ 1857 г. на имя виленскаго генераль-губернатора), Черны-

шевскій съ горячею преданностію отдался этому вопросу. Какъ сторонникъ социалистической идеи о принадлежности орудій труда производителю, онъ высказался за необходимость надѣленія крестьянъ землею; какъ поклонникъ фурьеристическаго идеала хозяйственной дѣятельности, онъ настаивалъ на преимуществахъ общиннаго землевладѣнія. По его мысли, тамъ, гдѣ существуетъ общинное владѣніе землею, эта форма должна быть сохранена во что бы то ни стало, а тамъ, гдѣ существуетъ личное владѣніе, всячески побуждать населеніе перейти къ общинному землевладѣнію. Сохраненіе земельной общины есть единственное средство спасти русскихъ крестьянъ отъ обращенія въ пролетаріевъ. Энергично защищая форму общиннаго владѣнія землею, Чернышевскій видитъ „наиболѣе важную выгоду“ ея въ томъ, что „черезъ 30 или 25 лѣтъ она откроетъ крестьянамъ легкую возможность къ составленію земледѣльческихъ товариществъ для обработки земли“. Коллективная обработка общинной земли, предотвращая пролетаріатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ улучшенію производства.

Цензурныя препятствія сильно мѣшали Чернышевскому проводить его взгляды. Такъ, напр., въ „Очеркахъ изъ политической экономіи“ (1861 г.) онъ вынужденъ былъ отказаться отъ изложенія и разбора первыхъ двухъ главъ извѣстнаго трактата Милля объ „Основаніяхъ политической экономіи“, трактующихъ о „системахъ экономическаго устройства, основанныхъ на принципѣ, различномъ отъ господствующаго принципа новой экономической исторіи“, т. е. о социалистическихъ теоріяхъ; но въ комментаріяхъ къ первому тому означеннаго трактата онъ, не называя имени Фурье, излагаетъ, съ нѣкоторыми оговорками, его ученіе о привлекательности труда при устраненіи неблагоприятной для трудящихся обстановки и указываетъ въ числѣ главныхъ условій того, чтобы трудъ приносилъ удовольствіе,—совер-

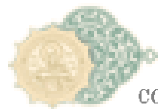
шеніе его „по собственному соображенію о его надобности или полезности“, а „не по внѣшнему принужденію“, и продолжительность труда не долѣе того времени, „пока мускулы“ могутъ работать, „безъ изнуренія, вреднаго организму“. Для достиженія этой цѣли необходима смѣна занятій и ихъ разнообразіе. Между тѣмъ, существующій порядокъ не представляетъ „наивыгоднѣйшей обстановки труда“; онъ устроенъ „для войны, для праздности, а не для труда“. Въ романѣ „Что дѣлать“ Чернышевскій уже прямо изображаетъ фаланстеръ Фурье. Вліяніе фурьеристическихъ идей у Чернышевскаго сказалось въ его взглядахъ не только на экономическую жизнь, но и на семью и нравственность. Не напрасно одною изъ первыхъ книгъ, принесенныхъ Лопуховымъ героинѣ романа „Что дѣлать“—Вѣрѣ Павловнѣ, были „Destinée sociale“ фурьериста Консидерана.

Но, принадлежа по своимъ воззрѣніямъ къ школѣ фурьеристовъ, Чернышевскій оставался всегда самостоятельнымъ мыслителемъ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ пришелъ къ выводамъ, которыми предвосхитилъ многія основныя положенія представителей западно-европейскаго „научнаго социализма“, опубликовавшихъ свои главные труды лишь долго спустя по прекращеніи литературной дѣятельности Чернышевскаго. Блестящая критика принципа раздѣленія труда, значенія наемнаго труда и соперничества въ современномъ производствѣ, вліянія техническаго прогресса на положеніе рабочаго класса напоминаютъ лучшія страницы „Капитала“ Маркса, явившагося на 6 лѣтъ позже „Очерковъ изъ политической экономіи“ Чернышевскаго. Не даромъ Марксъ отзывался о Чернышевскомъ, какъ о „великомъ русскомъ ученомъ и критикѣ, мастерски освѣтившемъ банкротство буржуазной экономіи“¹⁾.

¹⁾ Предисл. въ 2 изд. I тома „Капитала“.

Не чуждъ былъ радикально-соціалистическаго настроенія въ концѣ 50-хъ годовъ и *Н. А. Добролюбовъ*, находившійся въ тѣсной дружбѣ съ Чернышевскимъ. Окончивъ курсъ въ одной изъ духовныхъ семинарій, онъ отправился въ С.-Петербургскую Академію, но поступилъ (въ 1853 г.) въ главный педагогическій институтъ, по выходѣ изъ котораго посвятилъ себя литературно-публицистической дѣятельности. Добролюбовъ считается отцомъ русскаго „отрицанія“. По увѣренію многихъ, онъ былъ „разрушителемъ всяческихъ иллюзій“ и прототипомъ тургеневскаго Базарова. Общій смыслъ его публицистики есть протестъ противъ гражданскаго безправія и отрицаніе темныхъ силъ нашей жизни, не дававшихъ наступить „настоящему дню“. Въмѣстѣ съ Некрасовымъ онъ завелъ (въ 1858 г.) сатирическое приложение къ „Современнику“, сотрудникомъ котораго состоялъ, подъ заглавіемъ: „Свистокъ“. Въ этомъ „Свисткѣ“ имъ помѣщено множество сатирическихъ статей, положившихъ начало той „свистопляскѣ“, т. е. тому грубому глумленію надъ всякими авторитетами, которое водворилось въ журналистикѣ 60-хъ годовъ. Впрочемъ, собственно добролюбовская „свистопляска“ не столько груба, сколько остроумно-тонка. И если, какъ кто-то выразился, публицисты—„шестидесятники“ выходили на бой, вооруженные грязными швабрами, то Добролюбовъ выступалъ на поединокъ всегда съ самую тонкою толедскою шпагою въ рукахъ.

Въ концѣ 1861 и въ началѣ 1862 гг. общая картина политическаго состоянія рѣзко измѣнилась по сравненію со второю половиною 50-хъ годовъ. Разразились студентскіе беспорядки въ С.-Петербургскомъ Университѣ, усилилось польское броженіе, появились призывающія молодежь и крестьянъ къ волненіямъ прокламаціи, произошли страшные петербургскіе пожары (1862 г.), въ которыхъ видѣли связь съ распространеніемъ въ горячей молодежи революціонно-соціалистическихъ идей. Прежнее боже или менте списходи-

тельное отношеніе правительства къ крайнимъ элементамъ прекратилось. Въ маѣ 1862 г. „Современникъ“ былъ закрытъ, а 12 іюня того же года былъ арестованъ главный дѣйтель его—Чернышевскій и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. По истеченіи двухъ лѣтъ былъ объявленъ ему приговоръ къ семилѣтней каторжной работѣ въ Сибири. Началась реакція; явилось желаніе затормозить дѣло реформы. Центральной фигурой явился въ это время реакціи *Д. И. Писаревъ*, извѣстный блестящими публицистическими дарованіями.

По характеру и направленію своей публицистической дѣятельности Писаревъ былъ непосредственнымъ и яркимъ послѣдователемъ такъ называемой критической школы 60-хъ годовъ, съ ея реалистическимъ направленіемъ и преимущественнымъ вниманіемъ къ вопросамъ соціальнымъ. Сдѣлавшись страстнымъ адептомъ этой школы, онъ нерѣдко впадалъ въ наивныя увлеченія, придавая поразившимъ его, вычитаннымъ у другихъ, идеямъ несоотвѣтственно большое значеніе, доводя ихъ путемъ отвлеченнаго мысленія до крайностей. Такъ, развивая сенъ-симонистскую идею о „реабилитаціи физическаго труда“, о „связи между лабораторіей ученаго спеціалиста и мастерской простаго ремесленника“, Писаревъ физическому труду жертвовалъ умственнымъ образованіемъ, что сенъ-симонистамъ не приходило въ голову.

Въ своихъ работахъ Писаревъ пришелъ къ полному разрушенію прежняго идеалистическаго міросозерцанія и старался замѣнить его міровоззрѣніемъ, какъ онъ выражался, „трезвымъ“, достойнымъ вполне „развитой личности“. Особенно настойчиво выдвигалась имъ идея самодовлѣющей личности, пользующейся абсолютною свободою, для которой не можетъ быть въ жизни иного критерія, какъ ея собственный эгоизмъ: „мыслящій реалистъ“—вотъ его конечный идеаль.

Однако „писаревщина“, въ основѣ „разумнаго эгоизма“ которой лежалъ принципъ индивидуальнаго благополучія, не только не привилась у насъ, но и подкопала все зданіе социализма, трактующаго, повидимому, объ общественномъ благѣ, подкопала его именно своею нравственною несостоятельностью. Такое отклоненіе отъ чисто социалистическихъ идеаловъ Добролюбова и Чернышевскаго извѣстно у насъ подъ тургеневской кличкой „нигилизма“.

Писаревъ былъ однимъ изъ самыхъ отважныхъ представителей стихійнаго движенія 60-хъ годовъ, стремившагося ниспровергнуть старые устои общественнаго міросозерцанія. Это сдѣлало его кумиромъ той части современной ему молодежи, которая явилась непосредственнымъ продуктомъ освободительной эпохи, съ страстнымъ желаніемъ вырваться на свободу изъ удручавшихъ будто бы ее „мертвыхъ традицій“, созданныхъ крѣпостнымъ правомъ. Изъ этой именно „боевой“ молодежи, лозунгъ которой опредѣлялся словами „буря и натискъ“, вышли такіе представители русской „передовой мысли“, какъ *Зайцевъ, Лавровъ и Ткачевъ*.

В. А. Зайцевъ, переводчикъ сочиненій Лассаля (1870 г.) былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Русскаго Слова“ 1863—65 гг., при чемъ создалъ себѣ, хотя на короткое время, громкую славу рѣзкими выходками противъ всяческихъ авторитетовъ. Въ своихъ сужденіяхъ онъ стремился къ возможно „ясной“ постановкѣ морали и социологии и въ этомъ стремленіи къ „ясности“ доходилъ до самаго грубаго цинизма.

Н. Л. Лавровъ—крайній позитивистъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ подвергся административной ссылкѣ и бѣжалъ за границу, гдѣ занимался редактированіемъ социалистическихъ изданій на русскомъ языкѣ. Лавровъ занималъ особое мѣсто въ литературѣ научнаго социализма. Примыкая къ Марксу, онъ въ то же время исходилъ изъ идей Канта и Дарвина. Свое ученіе онъ называлъ „антропологизмомъ“. По нему, нравственность не прирождена человѣку: далеко не

всѣ люди вырабатываютъ себѣ нравственныя понятія. Прирождено человѣку лишь стремленіе къ наслажденію; развитой человѣкъ вырабатываетъ наслажденіе нравственною жизнію и ставитъ его на высшую степень въ іерархіи наслажденій. Большинство останавливается на соображеніи разсчета—пользы. Главнѣйшимъ признакомъ нравственнаго убѣжденія является требованіе нравственности общественной, заключающейся въ укрѣпленіи и расширеніи общественной солидарности. Общественную нравственность Лавровъ находитъ не только въ формахъ человѣческаго общежитія, но и во всѣхъ животныхъ обществахъ, въ которыхъ особи выработали въ себѣ нѣкоторую степень индивидуальнаго сознанія¹⁾.

П. Н. Ткачевъ около 1872 г. эмигрировалъ за границу. Воспитавшись на идеяхъ 60-хъ годовъ, онъ оставался вѣренъ имъ до конца своей жизни. Его мысль всегда вращалась въ области общественныхъ вопросовъ. По своимъ воззрѣніямъ, онъ былъ крайній и послѣдовательный экономическій матеріалистъ. Едва ли не въ первый разъ въ русской литературѣ въ его статьяхъ появляется имя Маркса. „Въ настоящее время, писалъ Ткачевъ, всѣ люди равноправны, но не всѣ *равнослѣпны*, т. е. не всѣ одарены одинаковою возможностью приводить свои интересы въ равновѣсіе—отсюда борьба и анархія. Поставьте всѣхъ въ одинаковыя условія по отношенію къ развитію и матеріальному обезпеченію и вы дадите дѣйствительную, фактическую равноправность, а не мнимую, фиктивную, которую избрали схоластики-юристы съ нарочитою цѣлью морочить невѣжды и обманывать простаковъ“²⁾. Въ практической дѣятельности, во имя идеала этого „общественнаго равносилія“, Ткачевъ звалъ „людей будущаго“, которые у Ткачева играютъ ту же роль, что „мыслящіе реалисты“ у Писарева. Передъ идеєю

¹⁾ О Лавровѣ см. Южаковъ. Субъективный методъ въ „соціологіи“. „Знаменіе“ 1873 г., кн. 10. „Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ“ 1876 г.

²⁾ „Русское Слово“ 1865 г. № XI. отд. 2. стр. 36—7.

общаго благополучія, которая должна служить руководящимъ началомъ жизни людей будущаго, отступаютъ на задній планъ всѣ требованія отвлеченной „буржуазной“ морали. „Нравственныя правила, разсуждалъ Ткачевъ въ духѣ историческаго матеріализма, установлены для пользы обществѣ и потому соблюденіе ихъ обязательно для каждаго. Но нравственное правило, какъ все житейское, имѣетъ характеръ относительный и важность его опредѣляется важностію того интереса, для охраны котораго оно создано“ ¹⁾).

Съ наступленіемъ 70-хъ годовъ скоро пришли къ признанію въ русскомъ обществѣ несостоятельности „утилитаризма“. Стали сознать, что однимъ разрушеніемъ стараго и стремленіемъ къ матеріальной „пользѣ“ прожить нельзя. Возникла потребность въ выработкѣ положительныхъ идеаловъ. Въмѣсто индивидуальнаго благополучія снова выдвинутъ принципъ общественнаго блага. Отсюда мисгическое преклоненіе предъ народомъ. Возникло такъ называемое „народничество“, усматривавшее „особенность“ русскаго народа исключительно въ общинно-„артельныхъ условіяхъ“ русской народной жизни. Всѣ старались отдать себя служенію народа, не смотря на то, что фактъ „хожденія въ народъ“ имѣлъ и тѣневую сторону“ ²⁾). „Отечественныя Записки“ сдѣлались центральнымъ органомъ новаго направленія общественной мысли. Во главѣ движенія стоялъ блестящій публицистъ, соціологъ и критикъ *Н. К. Михайловскій*, начавшій именно съ научной разработки новаго идеала, общественнаго по преимуществу. Въ „Отечеств. Запискахъ“ за 1869 – 1884 гг. помѣщены важнѣйшія соціологическія и критическія статьи его.

¹⁾ „Дѣло“ 1868 г., № 3., стр. 81.

²⁾ Слушатели и слушательницы высшихъ учебныхъ заведеній, оставляя школу, шли въ народъ, въ деревню, въ среду рабочихъ въ городахъ, чтобы, подъяв предположъ „ученія народа“, снять недовольство существующимъ порядкомъ, поднимать его противъ властей и т. д.

Михайловскій (скончавшійся лишь въ истекшемъ году) явился прямой реакціей противъ утилитарнаго эгоизма и индивидуализма—Писарева, мѣсто котораго онъ занялъ какъ „властитель душъ“ младшаго поколѣнія 60-хъ годовъ. Главная заслуга его заключается въ томъ, что онъ снова выдвинулъ идеаль служенія обществу и самопожертвованія для блага общаго. Хотя соціологическіе взгляды его разсѣяны въ отдѣльныхъ статьяхъ, представляющихъ по большей части разборъ сочиненій Спенсера, тѣмъ не менѣе онъ всюду проводитъ одну и ту же теорію. Онъ не соглашается съ тѣмъ положеніемъ Спенсера, что общество слѣдуетъ разсматривать какъ единый организмъ, всѣ члены котораго являются лишь простыми клѣточками по отношенію къ цѣлому организму. Соціальный прогрессъ представляется ему въ видѣ гармоническаго единства интересовъ общества и личности. Какъ знатокъ произведеній Прудона¹⁾ и послѣдователь Маркса, Михайловскій отразилъ въ своихъ работахъ важнѣйшія соціалистическія идеи 70-хъ годовъ прошедшаго столѣтія. Поколѣніе этихъ годовъ, проникнутое альтруистическими идеями, выросло на его статьяхъ и считало его въ числѣ главныхъ своихъ вождей²⁾.

Никогда еще противодѣйствіе духу эпохи великихъ реформъ не было такъ сильно, какъ въ 80-хъ годахъ. Русскій идеализмъ направляется теперь на новый путь. Огромный успѣхъ имѣетъ толстовское ученіе о „непротивленіи злу насиліемъ“. Утилитаризмъ и матеріализмъ еще больше, чѣмъ въ 70-хъ годахъ, теряютъ своихъ приверженцевъ. Когда на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ стали обращаться въ публичъ списки „Исповѣди“ гр. Л. Н. Толстого, а затѣмъ послѣдовалъ рядъ его отвлеченныхъ трактатовъ и рассказовъ („Въ чемъ моя вѣра“, „Такъ что-же намъ дѣлать“, „Въ чемъ счастье“ и др.). поразившихъ необычно-

¹⁾ Михайловскій перевелъ „Французскую демократію“ Прудона. Спб. 1867 г.

²⁾ О Михайловскомъ см. Писаревскій, Реабилитация, 1888.
Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
<http://kdais.kiev.ua>

венною рѣзкостью своей критики общепризнанныхъ истинъ. съ этого времени выступаетъ интересъ къ вопросамъ философско-религіознымъ. Подъ вліяніемъ же Толстого, очень увлекавшагося въ свое время идеями Руссо о возвращеніи къ первобытной естественной простотѣ, появляется въ нашемъ обществѣ стремленіе „опроличиваться“ съ тѣмъ, чтобы отряхнуть съ своихъ ногъ пылъ ненавистной цивилизаціи и зажечь жизнь первоначальной близости къ природѣ. Въ такомъ же направленіи продолжалъ работать Толстой и въ послѣдующіе годы. Его позднѣйшія произведенія, при всей ихъ талантливости, несутъ слишкомъ очевидные слѣды тѣхъ тенденцій, которыя занимали ихъ автора. Отличительною чертою этихъ его произведеній является изобиліе въ нихъ смѣлыхъ парадоксовъ, доходящихъ иногда до дерзкаго отрицанія всѣхъ установившихся формъ государственной, общественной и религіозной жизни. Это уже—прямо социально-анархическая агитація, напоминающая собою анархизмъ Прудона, съ которымъ Толстой, кстати сказать, познакомился въ бытность свою за границей въ 1857—59 годахъ. Значительная часть отрицательныхъ взглядовъ Толстого не могла получить открытаго выраженія въ Россіи и въ полномъ видѣ изложена только въ заграничныхъ изданіяхъ его религіозно-соціальныхъ трактатовъ.

Изъ такихъ трактатовъ, по своему противообщественному и противогосударственному направленію, обращаетъ на себя особенное вниманіе сочиненіе Толстого, появившееся сначала на англійскомъ языкѣ, а потомъ и на русскомъ (за границей же) подъ заглавіемъ: „Царство Божіе внутри насъ“. Весь центръ тяжести, весь интересъ этого сочиненія Толстого, имѣющаго, очевидно, своею задачею систематизировать всѣ высказанныя имъ доселѣ отрицательныя воззрѣнія, находится не столько въ религіозно-философскихъ, сколько въ революціонно-соціалистическихъ сужденіяхъ автора. Толстой пришелъ въ немъ къ безднѣ чисто анархическаго социализма.¹⁾ Цѣль, которой хочетъ достигнуть авторъ

¹⁾ „Церковный Вѣстникъ“ 1894 г. отъ 16 февр. стр. 85—86.

разсматриваемаго сочиненія, совершенно анархическая: указаніе прямого пути и надежныхъ средствъ къ рѣшительному ниспроверженію существующаго нынѣ строя общественно-государственной жизни. Къ этой цѣли, разсуждаетъ Толстой, нужно стремиться въ виду того, что все зло нашей жизни заключается въ существующемъ государственномъ и общественномъ ея устройствѣ, въ разрушеніи же его—наше счастье. Такимъ образомъ, Толстой продолжаетъ съ достоинствомъ лучшаго дѣла настойчивостію сѣять на русской землѣ то зло, надъ распространеніемъ котораго работали наши публицисты 60-хъ годовъ.

Въ срединѣ 90-хъ годовъ возникло новое соціальное теченіе, вызванное идеями проникаго къ намъ съ Запада „марксизма“ или вѣрнѣе „новомарксизма“, и вступившее въ борьбу съ „народничествомъ“ 70-хъ годовъ и вообще съ старымъ демократизмомъ. Русскій марксизмъ въ лицѣ главныхъ своихъ представителей—Бельтова, Струве, Туганъ-Барановскаго и др. идетъ рука объ руку съ модною въ настоящее время теоріей „экономическаго или историческаго матеріализма“, по которой вся исторія съ ея идеалами, философій, поэзіей и т. д. вышла изъ однихъ „запросовъ желудка“. Этотъ желудокъ создалъ монархію и республики, онъ породилъ гениевъ и идіотовъ; надстройкою, т. е. призрачною прибавкою къ требованіямъ желудка служить и религія. Эта теорія усердно разрабатывается нашими журналами—„Начало“, „Жизнь“, „Научное Обзорѣніе“ и др.

Марксизмъ оказалъ очень сильное непосредственное вліяніе на русскую экономическую литературу. Его теорія цѣнности и капитала принимается многими русскими экономистами (Зиберъ, Иванюковъ, Исаевъ, Коссовскій, Чуцовъ, Скворцовъ, Яроцкій и др.), большею частію, однако, въ своеобразномъ сочетаніи съ этическими идеями.

Но какъ ни смотрѣть на марксизмъ по существу, появленіе его показываетъ несомнѣнно, что апатія, овладѣвшая русскимъ обществомъ подъ вліяніемъ реакціи 80-хъ годовъ,

прошла. Въ формѣ художественной марксизмъ еще не успѣлъ проявиться, но марксисты не безъ основанія гордятся свѣжимъ дарованіемъ Максима Горькаго, давшего рядъ яркихъ картинъ изъ жизни городского пролетаріата. Самая яркая изъ этихъ картинъ нарисована Горькимъ въ его повѣсти „Трое“. Въ лицѣ главнаго героя повѣсти Ильи Дунева выражень неумолимый и безповоротный протестъ противъ ненормальныхъ условій современной соціальной жизни.

Въ сторонѣ, повидимому, отъ этой довольно мутной волны марксизма и тѣмъ не менѣ совершенно параллельно ей, идетъ у насъ другая, бурно-пѣнистая волна соціального *декадентства*, образовавшагося изъ своеобразной смѣси „нищетаства“, такъ называемаго „босячества“, и „толстовства“. Талантливыми представителями этого рода декадентства являются М. Горькій и отчасти Л. Андреевъ. Вотъ характеристика перваго изъ нихъ, сдѣланная въ январьской книжкѣ „Новаго Пути“ за прошлый годъ: „Проповѣдь Горькаго убійственна для попадавшихъ въ ея полосу. Она освобождаетъ человѣка отъ всего, что онъ когда-либо имѣлъ: отъ любви, отъ нравственности, отъ имущества, отъ знанія, отъ долга, отъ чести, отъ всякаго помышленія о Богѣ, отъ всякой надежды, отъ всякаго страха, отъ всякаго душевнаго и тѣлеснаго устремленія“... отъ всего за исключеніемъ инстинкта—жить. Л. Толстой, очевидно, сильно сыгралъ въ руку этого декадентскаго движенія своимъ страстнымъ разрушительнымъ походомъ противъ основныхъ устоевъ существующаго строя общественно-государственной жизни ¹⁾).

Итакъ, соціалистическія идеи, очень древнія по своему происхожденію, сильно распространены на Западѣ Европы, а оттуда вмѣстѣ съ другими идеями, хотя нерѣдко въ видѣ самомъ искаженномъ и уродливомъ, проникли и къ намъ

¹⁾ См. А. Покровский. „Современное декадентство предъ судомъ вѣковѣчныхъ идеаловъ“, „Русскій Вѣстникъ“, 1904 г., июнь.

и широко распространяются по Россіи. Увлеченіе соціалистическими ученіями, усердно пропандируемое либеральною печатью и разнаго рода проходимцами не только вообще среди общества, но въ особенности—среди нашей учащейся молодежи и даже среди рабочихъ и крестьянъ, къ сожалѣнію, стало уже настолько значительнымъ, что имѣетъ большое вліяніе на направленіе всего нашего общественнаго развитія. Продолжающееся уже нѣсколько лѣтъ роковое ослѣпленіе легкомысленной части нашей молодежи, мнящей о себѣ, какъ о законодательницѣ и руководительницѣ народа, недовольство низшихъ народныхъ массъ, выражающееся въ крестьянскихъ нападеніяхъ на помѣщичьи экономіи и въ забастовкахъ рабочихъ на заводахъ и фабрикахъ, политическія преступленія, поражающія высшихъ представителей государственнаго управленія,—результатъ чего все это, какъ не увлеченія революціонно-соціалистическими идеями, и къ чему все это можетъ повести, какъ не къ общей гибели нашего отечества? Извѣстный нѣмецкій соціалистическій писатель Каутскій говоритъ, что „международная соціалъ-демократія ставитъ одной изъ главныхъ своихъ задачъ дескредитированіе царской власти въ Россіи, потому что когда въ Россіи удастся устроить революцію, то тогда во всей Европѣ и въ особенности въ Германіи пролетаріатъ достигнетъ господства“. Открывается такимъ образомъ настоятельная необходимость обратить самое серьезное вниманіе на лежащія въ основѣ этихъ и подобныхъ печальныхъ явленій революціонно-соціалистическія ученія. Въ настоящемъ случаѣ, конечно, мы не задаемся цѣлью рассмотреть эти ученія во всей подробности, оцѣнить ихъ съ политической, экономической и другихъ сторонъ. Наше дѣло подвергнуть ихъ посильной критической оцѣнкѣ именно съ христіанской точки зрѣнія.

Свящ. Н. Стеллецкій.

(Продолженіе будетъ).